



ГЕНЕРАЛ К.М. АДАРИДИ

Генерал К.М. Адариди Первую мировую войну встретил уже довольно известным военным. Сын Коммерции Советника, выпускник Николаевского инженерного училища и элитной Николаевской академии Генштаба, он начал службу в лейб-гвардии Семеновском полку. Впоследствии увлекся военно-литературной деятельностью, часто публикуя статьи по различным военным вопросам. Русско-японскую войну К.М. Адариди встретил в чину полковника во главе 98-го Юрьевского пехотного полка. За боевые отличия он получил чин генерал-майора, а также мундир своего полка¹. После войны находился в составе военно-исторической комиссии, а в начале 1914 года был повышен в звании до генерал-лейтенанта и принял командование 27-ой пехотной дивизии. Сослуживец по дивизии капитан Успенский А.А. так отзывался о своем начальнике:

«Строгий по службе, вне службы это был обаятельный, простой и милый собеседник, в чем мне пришлось убедиться, когда иногда мы оставались с ним вдвоем по утрам (я заведовал хозяйством, т. е. довольствием всех офицеров на этой полевой поездке), не всегда выезжая в поле»².

В Первую мировую войну его дивизия оказалась в составе 3-го армейского корпуса (генерала Н.А. Епанчина), который составлял центр 1-й русской армии генерала П.К. фон Ренненкампа, развивавшей наступление в Восточной Пруссии. 17 августа армия войска перешли границу и начали продвигаться на северо-восток. 27-я пехотная дивизия в двух колоннах шла в общем направлении на Герритен. Уже вскоре после вступления на вражескую территорию она ввязалась в бой с частями 1-го германского корпуса. Сам К.М. Адариди находился при правой колонне, весь день руководя действиями подчиненных частей. Несмотря на первые успехи русских, немцы неожиданно разбили левофланговый полк, бежавшие внесли панику в другие части, и дивизию пришлось собирать уже за границей. Эта трагедия случилась ввиду того, что соседняя 40-я пехотная дивизия отстала, тем самым оголив фланг К.М. Адариди. Это вряд ли можно поставить ему в вину. Еще накануне он попытался вступить в связь с соседом. Да и сам левофланговый полк шел без охранения из-за беспечности своего командира. Следует указать и на недостаточно продуманный приказ по армии, который дал 40-й дивизии ту полосу наступления, которую она – увы – не смогла обеспечить. Так или иначе, но в дальнейшем К.М. Адариди старался не повторять подобных ошибок, тесно координируя действия с соседом слева (о чем в частности свидетельствует

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 785. Лл. 33.

² Успенский А.А. На войне. Восточная Пруссия – Литва 1914-1915 гг. Каунас, 1932. С. 51-52.



походный журнал). Однако это в будущем, а в итоге столкновения 17 августа дивизия потеряла более 7500 человек. Не будем забывать, что это был первый бой, многие просто не успели привыкнуть к нахождению в боевой обстановке. Вместе с тем относительные успехи на других участках фронта заставили врага к следующему утру отступить.

Всю ночь между штабами дивизии и корпуса шла активная переписка. Н.А. Епанчин требовал на следующий день (ввиду приказа П.К. фон Ренненкампа) перейти в наступление, против чего выступал начальник дивизии, указывая на расстройство войск и большие потери. Пришлось даже послать начальника штаба полковника Л.А. Радус-Зенковича, который все же не смог убедить командира корпуса. К счастью, к утру немцы отступили, а потому вопрос был снят. Вероятно, уже в эти августовские дни это противостояние и расхождение в оценке обстановки посеяло первые малозаметные зерна раздора между Н.А. Епанчиным и самостоятельным К.М. Адаридами, которые дали всходы через несколько месяцев.

Однако наступление продолжалось. К 20 августа дивизия вышла в район Маттишкемена – Варшлагена. В этот день противник - 8-я немецкая армия генерала М. фон Притвица – решила атаковать войска Ренненкампа. Немцы имели превосходство как в пехоте, так и по артиллерии. Более того, они захватили инициативу, а успешный набег германской кавалерии по нашим тылам дезорганизовал на время работу штаба 1-й армии. Упорные бои разыгрались по всему фронту. Немцам удалось разбить нашу правофланговую 28-ю дивизию; на левом фланге они также достигли определенных успехов. Упорные бои разыгрались и в центре, где против 3-го корпуса наступал 17-й корпус прославленного в будущем генерала А. фон Маккензена. На фронте 25-й дивизии генерала П.И. Булгакова весь день велись оборонительные бои, на некоторых участках русские переходили в контратаку. Не меньший напор выдерживала и 27-я дивизия.

Около 7 утра она начала занимать позиции. У Маттишкемена располагались 1-я бригада (105-й и 106-й полки), 2-й артиллерийский дивизион и полурота 3-го саперного батальона. 107-й полк находился у Рудбарчен, а 1-й артиллерийский дивизион с 108-м полком – у Варшлагена. Около 8.15 была получена записка от Струсевича, что у охранения начались перестрелки с противником, наступающим густыми цепями. Вскоре бои завязались по всему фронту дивизии.

Уже с 8-ми часов утра, как только 106-й Уфимский полк начал развертываться на позициях у Маттишкемена, противник открыл шквальный огонь, а затем перешел в наступление, которое оказалось отбито. Причем, во время этого боя произошел интересный эпизод. Поручик Бурлак, заметив, как в шагах в 3000 от него немецкая колонна взошла на впереди лежащий гребень, приказал стрелкам своей полуроты 3-й роты (10-15 человек)



открыть меткий огонь. Немцы приостановились и легли, тем самым добровольно задержались под нашим огнем, т.е. сделали то, что тактикой строго воспрещается³.

Целый день уфимцы сдерживали атаки превосходящих сил, показав высокую тактическую выучку и отличную стрельбу. Так, около 10 часов густые цепи были замечены против правого фланга (1-й батальон полковника Г.М. Борзинского). Тогда на немецкую колонну обрушился швальный пулеметный и артиллерийский огонь. На ее месте поднялся столб пыли, и как вспоминал очевидец: «когда она разошлась, никакой колонны уже не было, а были только черные пятна, которые напоминали лишь о том, что она здесь была. Нижние чины даже прекратили на время стрельбу, высунулись из окопов и удивленно смотрели вдаль».

Около 11 часов дня генерал А.Е. Беймельбург, командир 1-й бригады, донес, что левый фланг 25-й дивизии стал отступать. Для обеспечения фланга К.М. Адарида направил два резервных батальона и 4 орудия, чем спас ситуацию⁴. А примерно в 14.30. на фронте 108-го полка оказался замечен выехавший на открытую позицию вражеский дивизион, который был в упор расстрелян 1-м дивизионом (27-й артбригады) под командованием Александра Ильясевича (за это он получил Георгиевское оружие). Незадолго до этого противник был потеснен на фронте 25-й дивизии, что командование корпуса восприняло за отход, а потому последовал приказ о преследовании. А в 4 часа вечера командир 108-го полка полковник Струсевич донес об отходе рот соседней 40-й дивизии, однако заверил, что свой фланг может обеспечить сам. На фронте 27-й дивизии бои кипели еще несколько часов. Только примерно в 17.15. вечера немцы предприняли последнюю атаку против Уфимского полка, а затем стали отходить, некоторые подразделения бежали⁵. Отступление (а не паническое бегство всего корпуса, как об этом любят писать некоторые публицисты) по всему фронту произошло только в 18.30. 27-я русская дивизия в ходе недолгого преследования взяла 12 орудий, 25 зарядных ящика, 3 исправных и 10 разбитых пулеметов, 2000 винтовок и около 1000 пленных.

Под вечер М. фон Притвиц, получив сообщение о тяжелом положении на фронте и о том, что 2-я русская армия генерала А.В. Самсонова уже пересекла границу, неожиданно запаниковал и приказал отступать. Его центральный корпус был разбит, на левом фланге войска оказались сильно измотанными и не могли наступать. Общие потери убитыми, ранеными и пленными превысили 14 000 человек. В противовес квартирмейстер армии Грюнерт и начальник оперативного управления М. Гофман доказывали, что положение

³ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 521. Л. 35.

⁴ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 498. Л. 28.

⁵ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 521. Лл. 30, 31, 32 об., 35, 36.



благоприятное, и если продолжить сражение, то противника удастся разбить. Но М. фон Притвиц настоял на отходе.

Однако П.К. фон Ренненкампф не преследовал. Первые распоряжения гнать неприятеля он сразу же отменил, за что был подвергнут критике рядом историков. Это вряд ли можно признать обоснованным, ведь войска устали, тоже понесли потери (более 18 000 человек), а тылы были не налажены. Известно, что от победы до поражения – один шаг, а в успехе преследования никто из русских генералов не мог быть уверен, особенно ввиду расхода боеприпасов, а также сложного или неоднозначного положения большинства пехотных дивизий. Хотя русская кавалерия 20 августа отдыхала в тылу и на следующий день могла появиться на поле боя, сомнительно, что она была бы эффективна. С трудом справившись с ландсверной бригадой в бою у Каушена 19 августа, вряд ли те же самые полки могли что-то поделать с таким серьезным противником как корпус Г. фон Франсуа. Более того, Каушенский бой заставляет сомневаться в умении командира конного корпуса генерала Хана Нахичеванского использовать маневренное преимущество.

В сражении под Гумбинненом проявились выучка русских солдат и офицеров, а также эффективность артиллерии, даже несмотря на некоторые недостатки боевых характеристик орудий: нельзя не отметить бессилие нашей 76-мм пушки против хорошо окопавшегося противника, что явствует из одного донесения генерала Лашкевича в штаб корпуса. Меткими оказались наши солдаты и в ружейном огне. Однако стоит признать большое значение субъективного восприятия происходящего со стороны немецкого командующего, что повлияло на его решение об отходе. Вопреки расхожим мнениям, наша победа не была решительной, а сведения о паническом бегстве центрального 17-го корпуса, скорее всего, необходимо причислить к историческим мифам. Однако немецкий план разбить русских по частям провалился. 8-я армия отступила, а русские успехи вогнали в панику генерала Притвица, который вскоре был отстранен от командования.

Следует отметить, что дальнейшие успехи русских войск (продвижение Ренненкампфа, наступление 2-й армии генерала Самсонова, который 23-24 августа одержал победу над 20-м корпусом генерала Шольца) оказали тяжелое воздействие на Верховное немецкое командование. Ввиду успехов на западном фронте в ходе Приграничного сражения, оно решило перекинуть два корпуса и резервную кавалерийскую дивизию (высвободившиеся после падения крепости Намюр) на восток, чтобы остановить русское наступление. Это внесло лепту в победу англо-французских войск на Марне, когда был сорван германский блицкриг и развеяны надежды на скорейшее завершение войны, по крайней мере, на западном фронте.



Но вернемся к событиям в Восточной Пруссии. Простояв два дня на занимаемых позициях, 23 августа 1-я армия двинулась дальше в общем направлении на Кенигсберг, не встречая сопротивления противника. В этот день 27-я дивизия дошла до Туттельна, 24 августа – до Грабовен, а 26-го числа вошла в Алленбург. На следующий день появился приказ, что основной задачей является прижать противника к морю. Однако в это время на юге провинции 2-я русская армия потерпела поражение, а потому вскоре и войска Ренненкампфа были вынуждены перейти к обороне.

29 августа дивизия была двинута на Кл. Шенау. 1-2 сентября немцы повели здесь атаку превосходящими силами, однако она была остановлена метким огнем нашей артиллерии – пехоте даже не пришлось вступить в бой⁶. В итоге немцы отступили, понеся немалые потери, а нашим удалось взять трофеи⁷. Эта атака являлась демонстративной, с целью отвлечь внимание русского командования, т.к. в это время немцы готовили мощный удар в обход левого фланга русской армии.

В начале сентября Ренненкампф приготовился к обороне, оттянув все силы несколько назад. Так, 27-я дивизия оказалась за р. Алле в районе города Алленбурга, где заняла позиции к утру 4 сентября. Через пять дней противник атаковал. На фронте дивизии, в общем, весь день шла артиллерийская дуэль. Вечером пришел приказ об отступлении. 11 сентября в районе Немерсдорф – Иодлаукен пришлось вступить в столкновение с наступающим противником, который был временно остановлен. 12 сентября арьергардный бой состоялся у д. Калпакен. Однако тяжелых боев дивизия не вела. Основная тяжесть легла в этот период на левый фланг, который делал все, чтобы не дать противнику окружить русскую армию. Отступление же остальных частей шло в огромной спешке, причем тылы перемешались, вызвав гигантские заторы, что затрудняло передвижение пехоты. Однако твердость К.М. Адарида (иногда ему самому приходилось заниматься расчисткой дорог от обозов) позволила его частям отойти в полном порядке (что является достижением, учитывая то, что многие другие соединения рассыпались и перемешались). 13 сентября дивизия проследовала через горящий Шталлупенен, а затем оказалась на русской территории. Успехи К.М. Адарида в боях в Восточной Пруссии отметил и непосредственный начальник Н.А. Епанчин, по представлению которого тот был награжден орденом Св. Анны 1-й степени с мечами⁸.

К 22 сентября 27-я дивизия заняла оборону по Неману (от Наравы до Яцкевичи). В это время германцы решили нанести удар в западной Польше, а потому восточно-пруссский

⁶ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 521. Л. 43.

⁷ Там же. Л. 43 об.

⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 785. Л. 32 об.



фронт стал второстепенным. Дабы прикрыть переброску основных сил из Восточной Пруссии немцы решили 26 сентября атаковать позиции русских 1-й и 10-й армий по р. Неману. Те перешли в контрнаступление с целью освободить Августовские леса. Основная тяжесть легла на 10-ю армию генерала В.Е. Флуга, в то время как ее соседу предписывалось просто содействовать. 29 сентября наступление начала и 27-я дивизия. К вечеру она взяла Шлаваны, а 2 октября вошла в Мариамполь. С 5 октября начались томительные позиционные бои в районе д. Поевонь, окончившиеся безрезультатно. Разве что 7 октября у Подбарек 107-й полк был вынужден отразить контратаку, в ходе которой понес большие потери (в 1-м батальоне осталось только 4 офицера)⁹.

27 октября дивизия была размещена в районе Бояры, а через два дня сосредоточилась у д. Новиники, откуда ей предписывалось начать наступление в направлении д. Копсодзе в обход правого фланга Вержболовской группировки противника. Весь следующий день прошел в тяжелых и безуспешных атаках. В результате было решено атаковать ночью 31 октября. Однако все провалилось. 107-й полк был встречен огнем, хотя 106-й Уфимский полк полковника **К.П. Отрыганьева** занял Копсодзе, которое удерживал весь день и только под вечер отошел обратно.

Несколько дней части К.М. Адариди оставались на месте, однако уже 6 ноября германцы сами снялись с Вержболовской позиции. На следующий день было назначено преследование. 7 ноября дивизия перешла границу и стала продвигаться вперед, заняв Герритен. Второе сражение в этих местах опять оказалось неудачным – какой-то рок преследовал дивизию у этого злополучного местечка. Немцы превосходящими силами атаковали в правый фланг, а затем вклинились в центр. Резервы иссякали, а помощи дожидаться не удалось. Ближе к вечеру К.М. Адариди пришлось отдать приказ об отходе. Это стал последний приказ генерала по дивизии. Уже ночью он был отчислен от командования.

Как впоследствии доказывал опальный генерал вечером в тот день к нему приехал штабс-капитан Лисовой, который привез приказ Н.А. Епанчина об отходе на Новиники. Штабс-капитану было предложено обождать изготовления означенного приказа, но он уехал. Однако, когда Адариди отправился в деревню Новодоля, ему была передана новая записка с приказом сложить обязанности за то, что якобы «категорически отказался исполнить приказание, переданное штабс-капитаном Лисовым»¹⁰. К.М. Адариди сдал командование начальнику 27-й артбригады Фолимонову, а сам уехал в расположение 68-го госпиталя. А в это время об оставлении генералом Адариди позиций Н.А. Епанчин донес командующему

⁹ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 498. Л. 88 штаб.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 785. Л. 31 об.



армией генералу Ф.В. Сиверсу, который приказал генералу В.Н. Григорьеву, коменданту крепости Ковно, начать расследование. Тот же ограничился опросом Епанчина, Лисового и личного адъютанта корнета Эльвенгрена, в итоге написав обвинительное заключение. 4 февраля Н.А. Епанчин послал К.М. Адариди телеграмму с предложением подать в отставку, что тот и сделал на следующий день. 15 февраля состоялось увольнение, но без мундира из-за плохой аттестации генерала Ф.В. Сиверса.

Сейчас сложно выявить, в чем на самом деле заключалась вина К.М. Адариди и причина его размолвки с командиром корпуса. По крайней мере, походной журнал 27-й дивизии свидетельствует в пользу своего начальника. Не поверил докладу и главнокомандующий фронтом Н.В. Рuzский. Дальнейшее разбирательство в суде Двинского военного округа (под председательством генерала Толубаева) постановило: *«признать невиновным в том, что командуя дивизией, находившейся в районе Вержболова и будучи обязан, согласно приказу по 3-му корпусу от 24 октября за №30 наступать южнее отряда Яновского, причем согласно же приказу по дивизии от 24/25 октября, находиться при 107-м пехотном полку, самовольно, по причинам, не вызываемым исполнением долга службы или возложенными на него обязанностями, отошел с частью вверенного ему отряда в дер. Шапкина; на самом деле предпринял наступление, но когда при происшедшем во время этого наступления бое обнаружилось, что большие силы неприятеля угрожают его правому флангу и даже тылу, то он отошел со своими частям на позиции, находящиеся впереди дер. Шапкино, не отводил своего отряда в самую деревню»¹¹.*

Можно отнестись с большим сомнением к добросовестности расследования генерала В.Н. Григорьева, который в 1915 г. сам попал под трибунал и был осужден за то, что во время осады крепости Ковно позорно бежал. После отставки К.М. Адариди недолго продержался и Н.А. Епанчин. Во время февральских боев находившаяся под его командованием Вержболовская группа была вынуждена отступить к крепости Ковно, что оголило правый фланг соседнего 20-го корпуса (а это стало одной из причин его гибели в августовских лесах). Теперь в отставку попал Н.А. Епанчин, кстати, тоже – безосновательно – обвиненный в бегстве с фронта в самый тяжелый момент. За гибель корпуса поплатился должностью и генерал Ф.В. Сиверс (в адрес которого тоже ходили слухи о бегстве). Однако возникает вопрос, почему К.М. Адариди сразу же не стал добиваться справедливости, а так быстро согласился на отставку. Видимо, все же какая-то причина и была, хоть и не связанная непосредственно с обвинением. Материалы дают нам образ смелого боевого энергичного генерала, хорошего командира дивизии, умеющего держать

¹¹ Там же. Л. 34 об.



части в подчинении и обращать внимание на допущенные ошибки – вряд ли все происходило так просто, как об этом свидетельствуют архивы.

Осенью 1915 года с помощью связей К.М. Адарида пытался вернуться на службу. Было написано соответствующее письмо на имя дежурного генерала при Ставке К.П. Кондзеровского. Более того, генерал стал ходатайствовать о наказании Ф.В. Сиверса, Н.А. Епанчина и штабс-капитана Лисовского. В Ставке решили по-иному. Последняя просьба была отклонена за отсутствием данных, а полковник Степанов из управления дежурного генерала вообще предложил наказать бывшего начальника 27-й дивизии «в виду прямого обвинения штабс-капитана Лисового в недобросовестности как порочащего доброе имя названного обер-офицера генерального штаба и крайне оскорбительного»¹². Дело закончилось на том, что К.М. Адарида был возвращен мундир, но сам он – как показали боевые действия, талантливый и энергичный командир – так больше никогда и не вернулся на службу.

Об авторе:

Константин Александрович Пахалюк – ведущий специалист научного сектора Российского военно-исторического общества.

¹² Там же. Л. 37.